

Том 1. 145. Действие (Часть 3)

Толстяк с недоумением спросил:

— Неужели?

— Конечно же нет. — Чу Яо снова хлопнул толстяка по голове, несильно, но предупреждающе.
— Запомни, недооценивать врага и самоуверенность — это большая ошибка!

Толстяк, обхватив голову, кивнул, его глаза были полны обиды.

Он проямлил:

— Ученик запомнил.

Шэнь Тан спросила:

— Северная Пустыня не та, что раньше?

Чу Яо горько усмехнулся:

— Да, не та.

Действительно, после падения Звезды-Разбойницы, Северная Пустыня и Десять Ворон стали чем-то вроде фарм-боссов, княжества не хотели с ними связываться, а еще Вэньсинь Удань были скопированы с государственных печатей (осколков Звезды-Разбойницы), что привело к тому, что племена какое-то время были слабыми и подавленными.

Но у них просто было плохое развитие с рождения, это не значит, что у них проблемы с головой, они тоже могли постигать небесную энергию, они тоже могли сосредоточить Вэньсинь Удань, по разным причинам, у них больше Удань и меньше Вэньсинь, их боевые навыки не были слабыми. А что касается языковых заклинаний...

Тьфу, языковые заклинания можно изучать.

И изучать их совершенно легально.

Как?

Время от времени отправлять небольшие отряды, чтобы они терроризировали приграничные

страны, а когда те отправляли войска, они проигрывали и отдавали в заложники своих девушек.

Девушки были все красивы, часть отправлялась в гарем к правителю, часть дарилась заслуженным воинам, это был путь «брака». Заложников дарить нельзя, а успешных «браков» было мало, казалось бы, с ними трудно иметь дело, но «гость — это божество», заложники — это «талисман», демонстрирующий силу и мощь страны, если плохо обращаться с заложниками, то это будет неуважительно по отношению к стране, и легко получить за это порицание.

Что же делать?

Держать их как «талисман» в стороне. Сделать вид, что их уважают, дать им некоторые привилегии, например, образование. Умные заложники могли учиться у известных конфуцианских ученых, получать доступ к лучшим образовательным ресурсам, а знания языковых заклинаний можно было запомнить и увезти с собой.

Кроме того, крупные племена из племен отправляли послов к правителям княжеств, чтобы просить о покровительстве, мире и браке, в большинстве случаев их не отвергали, даже если невеста не была из княжеского рода, то при замужестве ей давали титул принцессы или королевны, и приданое было богатым.

Это были более косвенные и светлые методы, а еще были более скрытые действия. Например, когда княжества на континенте то и дело воевали друг с другом, они использовали эту суматоху, чтобы, тайно, через различные каналы, покупать книги о Вэньсинь Удань.

Короче говоря...

Шэнь Тан, выслушав объяснение Чу Яо, подытожила:

— Короче говоря, если мысли не сдаются, то способов всегда больше, чем трудностей.

Племена со всех концов света изо всех сил старались восстановить свою силу, в некотором смысле, они были очень целеустремленными и усердными.

Чу Яо проигнорировал слова У-лана, вздохнул и покачал головой:

— Сейчас, кроме государственных печатей, племена со всех концов света почти не отличаются от нас, а в плане сохранения сил они даже сильнее. Та война, которую мы выиграли, на самом деле не была легкой, в начале войны мы несколько раз терпели поражения....

Чу Яо, как самый младший и наименее опытный из «Тройки из страны Чу», смог догнать остальных, в основном, благодаря тому, что он смог переломить ход войны в середине,

постепенно сокращая разрыв между армиями.

Именно тогда он понял, что Северная Пустыня не та, что раньше.

Но все были погружены в победу, а еще более двухсот лет побед подряд, не позволили им всерьез воспринимать мощь Северной Пустыни. Чу Яо пережил небольшой пик в своей жизни, а затем началась череда неудач, пока страна Чу не была уничтожена.

Чу Яо подумал о нынешней ситуации и вздохнул еще глубже.

И поставил флаг.

Он успокоил У-лана и А-Жун, которые были в тревоге, и с доброй улыбкой сказал:

— ... Вам не нужно так волноваться, если императорские печати не пропадут, или если княжества на северо-западе прекратят войну до того, как два крупных племени получат императорские печати, то ничего страшного не произойдет....

Толстяк кивнул:

— Ага.

Только Шэнь Тан была недовольна.

Она высказала свое недовольство:

— У-хуэй, твои слова меня пугают.

— Чего ты боишься?

— По законам уличных романов, когда важный персонаж говорит, что что-то не произойдет, то это, скорее всего, произойдет.

Ого...

Прямо как старый генерал на театральной сцене, весь в флагах.

Чу Яо был ошеломлен, он рассмеялся:

— У меня нет такой силы.

Хотя в молодости он был уверен в себе и самоуверен, хотел быть вторым после Бога, но после десяти лет битвы с реальностью, его мировоззрение стало буддийским.

Он просто ничтожный персонаж.

Он не «важный персонаж».

Шэнь Тан серьезно сказала:

— Нет-нет-нет, для меня У-хуэй — это очень важный человек, поэтому... никакие запреты не действуют, большой ветер унесет, флаг У-хуэй — это шутка!

Первая часть была адресована Чу Яо, а вторая часть была сказана, сложив руки в молитве, обращаясь к богам со всех концов света, ее искренняя молитва заставила Чу Яо онеметь, но он не стал ее ругать, а последовал ее примеру:

— Да-да-да, большой ветер унесет!

Толстяк не понимал, он просто повторял за ними.

Он проямлил:

— Унесет, унесет....

Они смеялись и шутили, но за весельем скрывалась тревога Чу Яо — предупреждение Гу Чи заставляло его думать о самом худшем — эти два голодных волка, Северная Пустыня и Десять Ворон, два века сдерживали свой гнев, если они вдруг вырвутся на свободу, смогут ли княжества на северо-западе, которые сейчас дерутся до смерти, их остановить?

Он надеялся, что смогут...

Но разум шептал: не смогут.

Черное полотно небес расстилалось над ними, только лунный свет освещал дорогу.

Чу Яо смотрел на худенького юношу, который был впереди него, на несколько шагов, и выдохнул — времени мало, но есть надежда... Если он увидит, как У-лан будет активен на северо-западе, то его жизнь не будет напрасной.

Он одной рукой держал поводья, а другой, спрятанной под одеждой, сжал кулак, в его черных глазах, как будто скрывался прилив, он принял решение.

— У-хуэй!

Голос Шэнь Тан внезапно прозвучал в его ушах.

Он резко поднял голову:

— А?

Шэнь Тан указала на маленький огонек вдали, повернулась к нему и с улыбкой сказала:

— Скоро придем, горная дорога сложная, не отвлекайся.

Огонек был маленький, но он мог разгореться.

Чу Яо:

— Ага.

Как говорится, бег по горам утомляет лошадей, а еще извилистая горная дорога, им с Шэнь Тан и толстяком понадобилось еще полтора часа, чтобы добраться до разбойничьего лагеря. На этот раз их встретил Ци Шань.

Он выглядел как высохшая бамбуковая палка.

Шэнь Тан замахала рукой издалека, ее голос был громким, она любила смеяться, у нее, казалось, была неисчерпаемая энергия, это было и смешно, и грустно.

— Юаньян, мы вернулись!

Ци Шань, как обычно, ее проигнорировал, подошел, взял поводья, поздоровался с Шэнь Тан, а затем повернулся к Чу Яо и спросил:

— Как прошел ваш поход?

Чу Яо, держа на руках толстяка, слез с осла.

Он сказал:

— Все прошло гладко, через три дня.

Ци Шань мысленно посчитал:

— Через три дня? Пятнадцатое?

Благоприятный день.

Подходящий для обогащения, для начала строительства.

Действительно хороший день.

Чу Яо сказал:

— Остальное расскажу потом.

Они сказали, что начнут через три дня, но им нужно было подготовиться заранее, ждать, когда подойдет караван с налогами, чтобы все было идеально, нужно было тщательно подготовиться.

Детали они с Ци Шанем обсуждали снова и снова.

Тьфу...

Вот тебе и недостаток бедного человека, ни один риск не выдержит.

Ци Шань замер, Шэнь Тан занервничала.

— Почему ты так смотришь на меня, Юаньян?

Ци Шань спросил:

— Ланцзюнь, как у тебя с выпивкой?

Ему готовить один стакан, или целую миску?

А может быть, целый кувшин?

<http://tl.rulate.ru/book/109723/4945944>